

ЛЕГЕНДА
О КАМЕННОМ МИГЕЛЕ

ХОЛМ ДЕВИЧЬИХ СЛЕЗ

ЧАСТЬ 2

ИГОРЬ СЫЧЕВ

Легенда о каменном Мигеле

Игорь Сычев

Холм девичьих слез. Часть 2

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сычев И.

Холм девичьих слез. Часть 2 / И. Сычев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Легенда о каменном Мигеле)

ISBN 978-0-88-715449-2

С возрастом приходит ответственность. Мигел был бы рад проводить всё своё время за мудрыми книгами, а принц Кевин – путешествуя и охотясь, но долг перед королевством постоянно бросает друзьям всё новые и новые вызовы. Некто ужасный поселился в Восточных Болотах, насылая на тамошнюю деревню колдовской туман. Очередная встреча с легендарным и грозным Властителем Волков становится для друзей неотвратимой. Странные голоса слышатся юношам в ночи, и тревожат их пылкие души. А предательство союзников делает столкновение с пиктами и ирландскими пиратами неизбежным, и принц Кевин неожиданно понимает: война, это не только доблестные подвиги и возможность покрыть себя славой, но и горечь неизбежных потерь. Читайте «Легенду о Каменном Мигеле». Историю, в которой правда и вымысел, язычество и христианство, тьма и свет переплелись, как узоры на странице древнего кельтского манускрипта.

ISBN 978-0-88-715449-2

© Сычев И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Вороненок Кар	6
Туман с Восточных Болот	12
Нелюдь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Сычев
ХОЛМ ДЕВИЧЬИХ СЛЕЗ
Часть 2

Моим дорогим братьям, Владимиру и Данилу, с любовью посвящаю...

Вороненок Кар

Яркое майское солнце освещало лесную поляну радостным светом, и каждое живое существо, эту поляну населявшее, радовалось весеннему дню, как драгоценному подарку. Точнее, почти каждое. Маленький желторотый вороненок радоваться не мог, да и откуда взяться радости, если ты, едва успев опериться и не научившись летать, выпал из гнезда и заблудился в лесу? Теперь он притаился под ветвями кустарника, и иногда жалобно каркал, словно призывая на помощь. Но помощь не приходила, и поэтому ему только и оставалось, что смириться со своей участью.

Вдруг он насторожился. Из чащи на противоположной стороне поляны послышался шум, и лесную тишину пререзал молодой звонкий голос. Человек пел громко, но задумчиво. Может, вороненок различил слова, а может, для него это был только набор звуков, сообщающих о приближении опасности, но каркать он перестал и прислушался. Между тем пение приближалось.

Не ощущал ли ты —
Тревогу и грусть, когда небо затянуто,
И солнца не видно?

Не ощущал ли ты —
Непонятный восторг,
Когда идёшь по бесконечному полю
Беззакатным вечером?

Не ощущал ли ты —
Днём серым, днём дождливым,
Приближенье пределов, которые смертным
Пока недоступны?

Не желал ли ты —
Всё оставив, уйти поскорей,
От обыденных дел в края прекрасные?

Пение смолкло, и на поляну выехал всадник. Это был черноволосый юноша с острыми красивыми чертами лица, одетый, под стать волосам, тоже во все черное. Даже конь его был вороным, однако, несмотря на то, что молодой человек явно отдавал предпочтение черному цвету, выглядел он ничуть не мрачно. Правда, сейчас он пребывал в глубокой задумчивости, глаза его смотрели в пустоту, и было понятно, что в мыслях он далеко от лесной поляны, на окраине которой притаился вороненок. Юноша соскочил с коня, и, пустив его пастись, присел на бревно, совсем недалеко от наблюдающего за ним малыша, продолжая мечтать о чем-то своем.

Вдруг из леса вновь донеслись голоса. Два человека увлеченно спорили, и их беседа вывела из задумчивости черноволосого юношу. Он вздрогнул, потом криво усмехнулся и с легким оттенком недовольства пробормотал:

– Тоже мне... Богословы-философы...

Было ясно, что его отвлекли от приятных для него мечтаний и размышлений, но дольше мгновения сердиться он не стал. Видимо, он прекрасно знал спорщиков, и они были его добрыми друзьями, и поэтому, когда двое всадников выехали на поляну, он их окликнул:

– Отец Элвин! Мигел! А не остановиться ли нам здесь на привал? И где это вы потеряли Таильтена и Кухулина?

– Привал сделать можно, – согласился старший из путников. – Кухулин, как обычно, задержался у какой-то норы, причем довольно далеко от тропы. А Таильтен, естественно, ждет своего мохнатого неумемного приятеля. Не беспокойся о них, Кевин. Сейчас они нас нагонят.

Конечно, вороненок понятия не имел, что это за люди расположились на отдых рядом с его укрытием. Он ничего не знал о принце Кевине, его верном друге и советчике Мигеле, а также об их добром наставнике епископе Элвине. Три года минуло с тех пор, как принц Кевин поклялся разгадать загадки Запретных Земель, и за это время молодые люди изменились почти до неузнаваемости. Они окрепли, возмужали, стали шире в плечах, и совсем не походили на прежних мальчишек. А вот характеры их практически не поменялись.

Кевин стал еще более решительным и вздорным, он теперь намного меньше тратил времени на книги и учебу (хотя, конечно, совершенно их не забросил) и делал большие успехи во владении оружием, охоте и верховой езде. Угнетало его то, что ему пока не пришлось проявить себя в настоящем сражении и даже стычке с неприятелем. По-прежнему самыми страшными его противниками оставались волки, кабаны и медведи, но юноша знал, что благодатный покой, подаренный королевству, не будет длиться вечно, и скоро, очень скоро ему выпадет шанс пройти проверку на прочность.

Правда, ощущение, что отец его чрезмерно бережет, не оставляло Кевина. Вот и теперь король Лугайд покинул королевство с войсками, и даже стражника северных границ Федельмида с большей частью гарнизона взял с собой, а юный принц остался дома... Причиной отбытия короля и войска была отнюдь не война. Верховный король Ирландии вздумал порадовать своим визитом британских соседей, и северные короли решили напомнить гордому властителю, что таких, как они, хорошо иметь в числе союзников и опасно записывать в число врагов, а потому решили явиться на встречу с максимальным числом своих воинов... О столкновении с ирландцами не могло быть и речи, это была простая демонстрация сил, но Кевин расценил бы необходимость остаться дома как обиду, если бы отец перед отъездом не передал ему все полномочия правителя на время своего отсутствия. Принц проводил отца-короля до границы, и, как только с ним попрощался, тут же сообщил Мигелу, что намерен объехать пределы королевства, и что первым делом посетит Северный Замок. Мигел ожидал такого решения (зная пристрастие юного принца к Северным Пределам), и они отправились в путь вместе епископом Элвином, который тоже давно собирался в пастырскую поездку на север. Оруженосец Кевина Таильтен ехал вместе с ними, но постоянно отставал от отряда из-за своего пса Кухулина (пес тоже подрос и возмужал, но серьезности не приобрел ни на грамм, и теперь легкомысленно отстал от своих спутников, исследуя кроличьи норы). Еще в отряде были саксы Бертвальд и Редвulf (которые, ко всеобщему удивлению, не отправились с Мерлом на побережье, а остались вместе с принцем беречь королевство), но они ускакали вперед, чтобы предупредить жителей деревни пиктов и Северного Замка о прибытии важных гостей.

Что касается Мигела, то он по-прежнему оставался полной противоположностью своего друга-принца. Красивый русоволосый юноша, он выглядел намного старше своих семнадцати лет. Задумчивый и немного печальный, он, в отличие от наследника престола, проводил много времени за книгами, и, как и раньше, уступал Кевину во владении мечом. Но стрельбой из аркибалисты он овладел в совершенстве, и Кевин, признав, что у его друга врожденный дар, перестал ему завидовать. Мигел всегда был рядом с Кевином и никогда не пропускал охоту и тренировки. Но всегда в дорожной сумке вместе с ним странствовал какой-нибудь небольшой кодекс в кожаном переплете (из недорогих, за которыми братья-монахи не особенно присматривали). И в свободную минуту (в гостях или на привале) юноша бережно листал плотные страницы, в то время как Кевин предавался мечтам или болтал с приятелями. Ну а если условия

не позволяли читать, Мигел играл на дудочке из бузины, и тогда все, кто был рядом, замолкали, чтобы послушать нежные переливчатые мелодии, издаваемые незатейливым инструментом. Арфу, подаренную Кевином, он с собой в походы не брал, но в замке играл на ней довольно часто, и Мерл, в свое время преподавший ему немало музыкальных уроков, радостно признавал, что его ученик превзошел в искусстве игры учителя.

И еще Мигел очень любил беседовать со своим старшим наставником – отцом Элвином. Говорили они преимущественно на богословские и философские темы, и Кевину (хотя его познания в благородных науках были очень глубоки) все чаще становилось рядом с ними скучно. Север манил принца, он грезил о битвах и приключениях, и ему было совсем не интересно, насколько правдива история о том, как огромная рыба проглотила пророка Иону, а потом живым и здоровым выплюнула на берег.

Беседу завел отец Элвин, еще в самом начале путешествия. Он рассказал, как во время странствий по Галлии повстречал старого еврея-раввина, заговорил с ним про священные книги, и как тот озадачил его, поведав, что история про Иону и кита – поучительная сказка, а отнюдь не факт, как привык думать Элвин. Конечно, от этого она становилась ничуть не менее священной, но от привычного образа мыслей епископу отказываться было нелегко.

Беседа сперва заинтересовала даже Кевина. Но когда его ученые друзья завели речь о «трех смыслах Писания», и о том, что по поводу Ионы писали великие отцы и учителя (начиная от Оригена и Августина, и заканчивая современными им светилами, такими, например, как Гильда Премудрый), Кевин не выдержал и усакал вперед, оказавшись первым на лесной поляне. Конечно, когда его друзья добрались до нее, спор был далеко не завершен. Это могло стать препятствием для обеда, поэтому принц решился вмешаться:

– Если вы, мои многоученные друзья, позволите вставить слово скромному необразованному юноше, то я осмелюсь заявить, что лично мне безразлично, глотал кит Иону, или не глотал. Важно, чтобы эта история научила меня повиноваться Господу Богу, не бежать от исполнения Его воли и быть милосердным к людям, даже если это мои враги. А сказка это, или быль – мне совершенно не важно. Барды тоже многое выдумывают, но их песни возвращали целые поколения отважных и благородных людей. А еще я так голоден, что уже готов проглотить кита, а потому прошу вас, о Мигел Мудрый, помочь мне собрать хворост и приготовить обед.

Мигел, однако, не торопился закончить беседу:

– Насчет бардов ты прав, – задумчиво промолвил он, – но ведь так можно далеко зайти... Представь, что однажды настанут такие времена, когда люди скажут, что история о Рождении, Смерти и Воскресении Христа – просто красивая сказка, которая учит нас добру, а не Божественная Истина, преображающая мир? А если это сказка, то, значит, ничего такого и не было, и воспринимать евангельскую повесть всерьез совершенно не обязательно...

Сказав это, Мигел вдруг побледнел и тихо добавил:

– И тогда они превратят в Ничто – Всё.

Епископ Элвин улыбнулся:

– Да, Мигел, это было бы ужасно. Однако не забывай, что Евангелия были написаны недавно, и все они – своеобразные свидетельства очевидцев, а история Израиля, да и всего человечества, уходит во тьму тысячелетий, и со времен грехопадения друг друга сменили сотни поколений горьких изгнанников... Священные книги евреев написаны давным-давно, но даже между авторами и происшедшими событиями может лежать временная пропасть. Да дело даже не в этом. Ведь Кевин прав – сказка иногда может быть даже полезней повести о действительно происшедшем событии. И если истории о ките, проглотившем Иону, или об ослице, которая заговорила, или о воронах, приносящих хлеб пророку Илии, всего лишь только образы, они не...

Епископ не договорил. Раздался треск, лай, и пес Кухулин вылетел на поляну из леса. В отличие от беседующих людей, он сразу учуял притаившегося вороненка, и с грозным рыком

бросился в кусты. Вороненок больше не мог сдержаться, и, каркнув от страха, спрыгнул с ветки, прижался, хлопая крыльями, к могучему стволу, понимая, что смерти ему теперь не избежать. Но Кевин успел прыгнуть и схватить пса за загривок.

– Кухулин, фу! Стоять!

Пес не стал сопротивляться, и остановился, нависнув над птенчиком, рыча и скаля зубы. Мигел взял испуганного вороненка на руки и ласково пригладил перья на голове птенчика.

– Ну, уж он-то точно не образ! – улыбаясь, промолвил он.

Все засмеялись, и даже Кухулин успокоился и радостно завилял хвостом. Епископ Элвин принял вороненка из рук Мигела и спросил у бедняги, словно тот мог его понять:

– Откуда ты здесь такой, малыш, и как тебя звать?

– Кар-р-р... Кар-р-р...

Мигел усмехнулся:

– Неплохое имя для ворона! Пожалуй, так его и назовем.

– Ты намерен его оставить у себя? – удивился Кевин.

– Не бросать же его здесь на верную смерть. Да и стыдно так поступить после того, как ты его спас. И, кстати, внешне он очень похож на тебя.

– Это многое меняет, – ухмыльнулся принц. – В общем, если хочешь его оставить – то это дело твое. Но кормить его будешь сам.

– Насчет кормить, – вдруг заметил отец Элвин, – мы ведь вроде собирались обедать?

Все тут же принялись готовить обед. Но основной груз работы лег все же на Кевина, поскольку Мигел большую часть времени провозился с вороненком, от Кухулина толку не было никакого, а просить о помощи отца Элвина принц не решился. Ситуация изменилась, когда к отряду присоединился верный Кевинов оруженосец Таильтен. На поляне затрещал костер, все (включая вороненка Кара) перекусили жареным мясом и тронулись в дальнейший путь. Кевин вместе с Таильтеном напевали легкомысленные песенки, Кухулин вновь исследовал лесные норы, отец Элвин размышлял о чем-то, а Кар уютно примостился у Мигела на плече и вел себя на удивление спокойно. Мигел тоже ехал молча и немного хмурился. Ему, после события с вороненком, вдруг вспомнилась другая поляна, недалеко от Восточных Болот, оскаленная пасть бешеного волка, и бледный черноволосый мальчик с луком в руках, кричащий ему, испуганному до полусмерти: «Падай!».

– Скажи мне, Кевин, что ты знаешь о тех горах на востоке? – промолвил Мигел и указал на вздымающиеся вдали вершины.

Вдвоем с принцем он стоял на вершине башни Северного Замка. Вместе с епископом Элвином они прогостили здесь пару дней, и теперь собирались проведать отца Моргана и прочих обитателей деревни пиктов.

– Очень мало, – ответил Кевин на вопрос друга. – Мейлир и Катмаэль говорят, что эти горы нельзя относить к горам Дикого Края, которые на севере. Но туда тоже никто не ходит. Многие из тех, кто пытался там охотиться, бесследно исчезали. Очень редко Федельмид отправляет туда людей на разведку. Пикты говорят, даром, что они христиане, будто те горы принадлежат некоему грозному духу – властителю тамошних краев. Чепуха, конечно, но воинам Федельмида пришлось там пару раз столкнуться с очень страшными существами. В любом случае, это недобрые горы. С севера они граничат с Запретными Землями, а на востоке – с болотами, где мы добывали руду и встретили Коэля Черного. Хочешь там побывать?

Мигел пожал плечами, чем потревожил вороненка Кара, который было задремал.

– А я очень хочу, – заявил принц, – но это позже, когда отец вернется. Ответственность за королевство, и все такое, понимаешь ли...

Юноши спустились вниз и направились к воротам замка, где их поджидал отец Элвин, Таильтен вместе с Бертвальдом и Редвulfом, и оседланные кони. Пришла пора прощаться с хозяевами замка.

Старшие друзья Кевина – Катмаэль и Мейлир – ускакали вместе с отцом на встречу с ирландцами, а их младшие братики Кинедир и Гвиар (сильно подросшие за прошедшие три года) никак не хотели расставаться с принцем и просили его взять их в «его дружину». Наконец супруга Федельмида Сулевия уняла их, пожелала гостям счастливой дороги, и отряд тронулся в путь...

До деревни пиктов они добрались сравнительно быстро и тут же направились в гости к отцу Моргану. Тот почтительно поздоровался с епископом, сердечно приветствовал юношей, но все сразу заметили, что он немного смущен.

Епископ Элвин всегда испытывал к Моргану самые дружественные чувства, и, зная, что сельский священник немного побаивается «начальства» (даже если «начальство» приходится ему близким другом) первым спросил, что его тревожит. Морган принял епископскую инициативу с явным облегчением, но беспокоился по-прежнему:

– Видите ли, отец епископ... Я, конечно, прекрасно знаю, что каждый священник должен прежде всего заботиться о порученной ему пастве. Но на хуторе, возле Восточных Болот, недалеко от того места, где поселились Мерл с Луннетой, живет мой старый добрый знакомый, можно сказать, лучший друг детства. Звать его Калдер, он, как и я, из крестьянской семьи, был дружинником, потом вернулся к работе на земле. Так вот, он сильно захворал, возможно, что смертельно, и очень хочет меня увидеть. Я бы не осмелился вас просить...

– Хочешь отправиться уже сегодня, или подождешь до завтра? – спросил епископ Элвин таким голосом, как будто дело было давно решенным (сам он с трудом сдерживался, чтобы не отчитать Моргана за его «просительный» тон). – Я с легкостью смогу заменить тебя здесь на неделю.

Морган хлопнул глазами, а Кевин, которого позабавила нерешительность сельского пастыря, заметил:

– Я как раз намеревался проведать восточные пределы нашего королевства. Мы были бы очень рады принять вас в наш отряд.

– Как же я вам всем благодарен! – сердечно обрадовался отец Морган. – Это милость Господня, уже сегодня отправиться к старине Калдеру, да еще в такой приятной компании!

Но вдруг он опять забеспокоился.

– Только не подумайте, отец епископ, – обратился он к Элвину, – что я собираюсь ускользнуть во время вашего визита, и что мое отбытие вообще хоть как-то с ним связано. Я немедленно дам отчет...

Епископ Элвин поднял глаза к небесам, хлопнул Моргана по плечу (чуть сильнее, чем по-дружески), и все вошли в дом, где их ждали угощение и отдых.

Оказалось, что не один только Морган присоединился к отряду принца. Малыш Кау не захотел расставаться со своим наставником, и Кевин с радостью принял его в отряд. Маленький пикт за прошедшие три года почти не изменился и по-прежнему производил впечатление хмурого карлика. Тихий, почтительный, услужливый, в неприметной одежде и с боевым кинжалом на поясе (принцу льстило, что бедняга не расстается с его подарком), он тенью сновал по лагерю, помогая в его устройстве или готовя еду, а во время похода ехал позади отряда на маленькой серой лошадке. Никто не помнил, чтобы он хоть когда-то заговорил первым, а попытки поболтать с малышом всегда завершались провалом.

Но в целом путешествие было веселым и интересным, пока путники не приблизились к восточным пределам королевства Катгабайлов. На небе светило солнце, Мигел рассказывал

отцу Моргану о первом знакомстве Энгуса и Олвен (у них вскорости должна была состояться свадьба), все, кроме Кау, смеялись или улыбались, как вдруг Бертвальд придержал коня и с тревогой посмотрел вдаль. Все очнулись и заметили, что находятся на невысоком пологом холме, через который перепрыгивала сельская дорога (холм был совсем невысоким, но широким, и объезд получился бы слишком долгим), и с которого просматривались восточные владения. Кевин, заметив беспокойство своего друга-сакса, тут же спросил, что его так тревожит.

– Кто бы подумал, что в эту пору туман может быть таким густым? Да еще при таком солнце? – ответил тот, и тут уже все заметили, что виднеющиеся вдали рощицы и поля заволкла бледная густая пелена.

Мигел, присмотревшись, неуверенно заметил, что это, возможно, дым.

– Ну нет, – решительно возразил Бертвальд. – Уж я-то разбираюсь!

– Туман, не туман, а нам нужно двигаться дальше, – промолвил принц, и все последовали его совету, но каждый вдруг ощутил, что ему стало как-то не по себе. А через несколько минут пути Кевин заметил, что навстречу к ним по дороге идет человек.

Туман с Восточных Болот

Путник оказался простым крестьянином, который радостно приветствовал наследного принца. Кевин не успел еще ничего у него спросить, как человек сам начал делиться с принцем своими тревогами.

– Странные у нас здесь дела творятся, мой юный господин, – промолвил он немного взволновано, – странные и недобрые. Вот уже две недели как туман с Восточных Болот наползает на наши края, и я отродясь не помню таких туманов. Днем он редет, но ночью становится таким густым, что хоть глаз выколи. Несколько человек заболели, все подавлены, дети плачут. Но это еще не самое худшее...

Крестьянин сделал многозначительную паузу и заговорил таинственным голосом, в душе, по-видимому, наслаждаясь тем вниманием, с которым его слушали принц и его друзья.

– Вы ведь знаете, что хуторяне в здешних краях разводят лошадей, и я, собственно, один из них. Лучшая ферма и лучшие кони, конечно, у господина Мерла, ну да у меня лошадки тоже ничего, воины, которые их покупали, редко жаловались. Так вот, неделю назад должна была ожеребиться одна из моих кобыл. А дальше, прям чертовщина какая-то!

Путники уже давно соскочили с коней и обступили крестьянина. Кевина раздражала его пространная манера изложения, но он не торопил фермера, зная, насколько здешние селяне обидчивы, и как они любят поболтать с приезжими. А крестьянин продолжал:

– Я, видите ли, большие надежды возлагал на того жеребенка, что должен был появиться. Дочку нужно замуж выдавать, а свадьба денег стоит, да и мало ли у нас, простолюдинов, расходов. Ну да это к делу не относится, это, конечно, все не важно. А важно то (тут в голосе рассказчика зазвенело возмущение), что когда я наутро в сарай пришел, то сразу понял, что кобылка-то моя ожеребилась, вот только жеребенок исчез... Скажете, что я напутал чего, или выдумываю? Так я на коневодстве собаку съел, сам господин Мерл ко мне за советами ходил. А насчет правдивости, то обойдите тут каждый дом, вам все докажут, что честней человека, чем старина Коди не найти! Да и не понадобится вам ходить. Это ведь не конец был. Дальше – хуже. И двух дней не прошло, как с моим соседом приключилась та же история. Но уж когда жеребенок пропал у самого господина Мерла, тут мы поняли, что пришла пора звать кого на помощь...

Принц Кевин слушал фермера, и ощущал, что непонятное волнение завладевает всем его существом. Все это могло оказаться пустопорожней болтовней, но что-то подсказывало принцу, и подсказывало очень настойчиво, что он стоит на пороге опасного и захватывающего приключения, да и еще как раз тогда, когда отец далеко, и действовать придется самому... А крестьянин тем временем продолжал:

– Посовещались мы, и решили отыскать старика Лоскенна, чтобы пригласить его к себе на помощь. Уж если пришла на наши земли какая мерзкая жуть, а господин Федельмид, как мы узнали, в отъезде, то лучшего помощника чем Лоскенн Лучник нам в этом деле не найти. А искать его направили меня, хотя у меня на ферме дел невпроворот. Благо, заезжий купец сообщил, что он сейчас совсем недалеко отсюда, в буковой роще, так что я даже коня брать не стал.

– А сами вы разве не пытались охранять жеребят? – перебил фермера Бертвальд, который знал Коди (они нередко пересекались на хуторе у Мерла) и которому стало досадно, что кто-то обворовал его старшего друга и покровителя.

– Так ведь я о том и говорю! – запальчиво воскликнул Коди. – Чертовщина, да и только! Я ведь уже после первой, то бишь моей, пропажи, пошел к соседу и предупредил, что лиходеи приходят из тумана и жеребят воруют. Он меня, дурень, высмеял (кому нужен новорожденный жеребенок?), но караул у конюшни вместе со мной нести согласился. Сидели мы, говорили о

том о сем, тут ночь пришла, сгустился этот туманище проклятый. Утром проснулись, а жеребенка и след простыл.

– Так может вы не только говорили... – начал было насмешливо Бертвальд, которому было известно о пристрастии фермера к крепким напиткам, но крестьянин бросил на юношу такой свирепый взгляд, что даже отважный сакс сразу пресекался.

– Вы, юноша, хоть и друг нашему принцу и господину Мерлу, но все же чужеземец, – напал на него Коди. – И я не знаю, может, в ваших родных краях и принято пить, когда стоишь на часах, но у нас это не в обычае. Одно дело с друзьями на празднике, и совсем...

– Довольно, Коди, – мягко остановил фермера отец Морган. – Скажи мне лучше, у Мерла вы тоже охраняли жеребят?

– Охраняли, – понуро кивнул остывший крестьянин. – Пять человек нас было, и опять та же история. Жалость ведь какая, что господин Мерл в отъезде, да еще и дружинника Этлена забрал с собой, даром, что его супруга Кэйли вот-вот должна родить. Ну да госпожа Луннета за ней обещала присмотреть, а лучшей повитухи нет во всем королевстве... Нам нужно о своих заботах подумать, а потому пойду я за Лоскенном, пока худшее не случилось.

– А что, если я отправлюсь на его поиски? – предложил вдруг Мигел. – Дедушка Лоскенн – мой добрый друг. Я на коне, и где находится здешняя буковая роща, знаю прекрасно. Лучший бук есть еще разве что в Северном Лесу, недалеко от Сожженной Деревни.

Крестьянин радостно согласился, спутники иберийца были тоже не против такого его решения (после всего услышанного каждому вдруг захотелось, чтобы старый лучник как можно быстрее присоединился к их компании), и Мигел (поручив вороненка Кара на попечение Кевину), развернул коня и поскакал назад.

Отряд прибыл в деревню к вечеру. У всех на душе было муторно и жутко: туман, который и днем наводил тоску, к вечеру действительно стал непроглядным, и даже Бертвальд и Редвильф, даром, что часто здесь бывали, не сумели бы без помощи старины Коди отыскать дом дружинника Калдера. Путники решили не разделяться и держаться все время вместе, а потому дом Калдера стал первым их пристанищем. Супруга дружинника хотя и была подавлена (а чему радоваться, когда муж умирает?), приняла их все же довольно радушно. Юноши ненадолго задержались во дворе, чтобы в туманном полумраке как-то пристроить своих коней, а отец Морган сразу направился к больному другу.

– Что-то недоброе происходит здесь, Морган. Туман уже две недели не сходит, я из-за него, наверное, и заболел. И эти исчезнувшие жеребята... Да Коди, видно, тебе уже все рассказал.

Морган кивнул и вновь с тоской посмотрел на больного. Калдера нельзя было узнать. Когда-то бодрый и сильный мужчина, теперь он стал похож на привидение. Посеревшая кожа, впалые щеки, потухшие глаза... И беспокойство, чуть ли не страх во взгляде. Тем временем Калдер продолжал:

– Вообще, я хворь еще на Восточных Болотах подхватил, когда за торфом ездил. Да не в этом дело, Морган. Страшное со мной случилось, очень страшное! Уже после того, как я тебе весточку послал.

Калдер вдруг закашлял, прикрывая ладонью рот, и священник (несмотря на царивший в комнате полумрак) увидел на пальцах у друга кровавые пятна.

– Я привез с собой травяные настойки, которые приготовил сам Ильтуд Травник, – промолвил Морган. – Ты еще справишься...

Но Калдер покачал головой (мол, все это не важно) и, отдышавшись после кашля, поднялся на локтях и вновь заговорил:

– Забудь обо мне тревожиться и дослушай. Зло ходит под нашими окнами. Это не разбойники воруют жеребят. Ты ведь знаешь, что я несколько лет прослужил под началом у Федельмида? Так вот... Там приобретаешь какую-то особую чуткость. Какую-то способность чутять тех, кто приходит к нам из Запретных Земель. И три дня назад, ночью, в тумане, я ощутил его. Он прошел...

Калдер вновь задохнулся в приступе кашля, а встревоженный Морган опустился рядом с другом на колени, взяв его за руку.

– Кто прошел? Кого ты почувствовал, Калдер?

– Ужас из мрака. Огромный, жуткий, он прошел возле моего дома. В ту ночь пропал Мерлов жеребенок...

– Ты видел его?

Воин покачал головой.

– Нет. Но мне и не нужно было. Лохматый, длиннорукий, он бесшумно идет в тумане. И насылает сон. Скажешь, болезнь виновата? Ну нет. Лучше поверь мне, Морган, и предупреди надежных людей. Он не насытится мясом жеребят.

– Я верю, брат, верю! – заверил дружинника Морган. – И сообщу, кому нужно. Но теперь позволь заняться твоим лечением.

Калдер откинул голову на подушку.

– Помолись надо мной, друг, – попросил он священника. – А уж потом делай, что хочешь. Мне уже все равно...

Мигел не особенно торопил коня, подъезжая к буковой роще. Он знал, что даже если Лоскенн нагрузит ослика бревнами и направится к городу, он быстро его нагонит и вернет назад. Однако чутье подсказывало ему, что рассказы Коди – не пустые бредни пристрастившегося к пиву и элю крестьянина. И этот странный туман, который он видел своими глазами... Поэтому иногда он невольно переходил на легкую рысь, внимательно прислушиваясь и озираясь по сторонам.

Но в роще было тихо (только легкий ветерок иногда шептался с молодой листвой), удары топора не сотрясали воздух, и Мигел уже подумал, что старик завершил работу и отправился домой, как вдруг услышал вдалеке пение. Голос был знакомым, но...

«Да не может быть, что это Лоскенн», – удивленно подумал Мигел, направляя коня к вершине холма, откуда доносилась песня. – «В жизни не слышал, чтобы он пел! Да еще так красиво...»

Но поющий действительно оказался Лоскенном Лучником. Юноша увидел его у обрыва на вершине холма: старик стоял, опираясь рукой на молодой бук, и глаза его были устремлены в никуда. Он, по-видимому, Мигела не заметил, да и вообще казалось, что лучник забыл обо всем на свете, погрузившись в горькие воспоминания. Ибериец спешил и начал свой подъем вверх (туда вела узкая заросшая тропинка). Лучник пел громко, и Мигел сумел разобрать слова песни:

Страшная была битва,
Кто не погиб в ней, был ранен...
Там пали три моих сына:
Моллинг, Келлах и Браен.

Рядом, спасая отчизну,
В битве последней бились,
Не разлучались при жизни,
И в смерти не разлучились...

Порыв ветра, внезапно налетевший с востока, оживил на мгновение невысокие деревца на холме, которые закачались, шумя листвой. Поэтому Мигел не разобрал следующего куплета песни. Но он уже понял, про что поет старик. Битва у Зеленого Причала! Та, в которой пали сыновья Лоскенна, и в которой он сам чудом уцелел. Они тогда спасли армию союзников от поражения, но цена для несчастного отца оказалась слишком высокой... Ветер затих, а Лоскенн продолжал:

Зубы сцепив, сражались...
Казалось, еще немного...
На малый срок задержалась
Спасительная подмога.

И вот союзная конница
Ударила по врагам.
А я все не мог опомниться,
Понять, что остался сам.

Пираты оружие бросали
В панике на бегу,
А три мои сына лежали
Мертвыми на берегу...

Хмурилось небо сурово,
И океан стонал,
Волны от пролитой крови
Отмыли Зеленый Причал.

Сушил мои раны ветер.
В лицо – соленые брызги...
Так я остался бездетным,
Живой, но лишенный жизни...

Старик ненадолго замолк, так что Мигел (который уже подошел к поющему совсем близко) даже подумал, что песня завершилась. Однако это было не так. Лоскенн вздохнул, и с каким-то надрывом, с тоской и горечью в голосе, пропел последние строчки:

Уйти вам раньше случилось,
На все – Всевышнего воля...
Надеюсь на Божью милость,
Но все равно – мне больно...

Тягостно жить на свете...
Буду ль от мук избавлен?
О милые, милые дети!
О Моллинг, Келлах и Браен!

Лоскенн сел на краю обрыва, опершись спиной о ствол. Голова упала ему на грудь. Несколько минут Мигел боялся пошевелиться, не желая тревожить несчастного. Он даже поду-

мал, не уйти ли ему, оставив старика наедине с горькими воспоминаниями. Но потом ибериец вспомнил тревожный рассказ фермера Коди, беспокойство своих друзей, пелену тумана на востоке, и решился. Неслышно подойдя сзади, он сел рядом с лучником и положил руку ему на плечо.

– Дедушка Лоскенн!

Лучник вздрогнул, и, подняв голову, оглянулся на юношу. Глаза его были затуманены, он словно очнулся от сна.

– Дедушка Лоскенн, хуторянам из Восточных Пределов нужна ваша помощь...

Нелюдь

Кевин сидел за столом в гостиной роскошного Мерлова особняка и кормил с руки вороненка Кара. Малыш с довольным видом принимал из рук принца кусочки мяса, заботливо предоставленные Луннетой, но у самого принца вид был очень недовольный.

– Вокруг творится невесть какое страхолюдство, – промолвил он, с трудом подавляя раздражение, – люди в тревоге, имущество их в опасности, а я, наследный принц, сижу здесь сложа руки и кормлю маленького крикливого обжору.

Вороненок, словно поняв сказанное принцем, вдруг отскочил в сторону и недоверчиво на него покосился. Кевин усмехнулся. В сущности, он сделал все, что мог. Проснулся ранним утром, исследовал все места происшествий (вместе со своими спутниками и псом Кухулином), порасспросил людей... Правда, отец Морган почти сразу отказался принимать участие в расследовании, поскольку его больше тревожили больные хуторяне, и прежде всего – Калдер. А вот малыш Кау повел себя совершенно неожиданно. Раньше он не отходил от священника, но теперь остался с принцем и всюду следовал за ним, все внимательно осматривая и даже обнюхивая. И еще пес Кухулин явно почуял что-то недоброе. На каждом месте происшествия он начинал рычать, и шерсть у него на затылке вздыбливалась, хотя выглядел он скорее решительно, чем испуганно. Но на этом все и заканчивалось, поскольку никаких следов похитителей обнаружить не удалось. Ни примятой травы, ни царапин, ничего! А ведь одно то, что хутора у местных фермеров были обнесены могучими частоколами, и охраняли их мощные сторожевые псы (которые не преминули повздорить с Кухулином) лишало разбойников шанса похищать жеребят незаметно.

Если это, конечно, были разбойники, – вновь тихо произнес Кевин и обернулся на шум. В комнату зашел Бертвальд.

– Какие вести? – спросил принц у друга. – Лоскенн и Мигел еще не прибыли?

– Еще нет. Странно, что они так задерживаются.

– Значит, будем ждать и играть с вороненком. Знал бы, что с этим проглотом будет столько мороки!

– Да неужели не спас бы? – усмехнулся Бертвальд. – Знай, принц, что ты оказал услугу воину из народа воронов.

– Еще скажи, что они за это заберут мою душу в Валгаллу, – засмеялся Кевин. – И замолвят за меня словечко у вашего Одина. Это ведь он покровительствует воронам?

Бертвальд пожал плечами.

– Почему только он? У этих птиц много и иных покровителей. Принц Ридерх рассказывал мне, что богиня Морриган тоже выбрала воронов своими слугами...

Но договорить ему не удалось. В комнату вбежал Таильтен.

– Лоскенн и Мигел объявились! Они просто не знали, что мы обосновались у Мерла. Побывали на всех местах происшествий, взяли с собой отца Моргана и прибыли сюда. Через минуту у нас совещание.

Смеркалось, туман густел. Люди сидели за столом в гостиной и молчали. Только что отец Морган рассказал о кошмаре, который так недавно мучил Калдера.

– Это наверняка из-за болезни, – добавил он после паузы. – Никто бы не сумел пройти возле его окон – там частокол такой...

– Как и у Коди, и у Мерла! – запальчиво воскликнул Кевин. – При чем тут частокол?

Тише, тише, Кевин! – попытался успокоить друга Мигел. – Конечно, это самые ловкие разбойники, которых...

Принц ударил кулаком по столу.

– Да при чем тут вообще разбойники?! Какие разбойники?! Вы сложите одно с другим! Неужели это такое легкое дело, перенести жеребенка (пусть и новорожденного) через часток? Ворота-то оставались запертыми, внутренние засовы никто не трогал. И откуда вдруг такая страсть к жеребятам? Если они эдакие ловкачи, то почему не взяли более ценной добычи? Нет! Это зверь, или кто похуже зверя... Потому и наш Кухулин, хоть и явно что-то чувствует (в отличии от этих негодных хуторских брехунов), а след взять не может. Не с простым существом столкнулся, а с призраком из мрака. Хотя призрак он, или нет, я не знаю. Единственное, в чем я уверен, так это в том, что Похититель приходит с Восточных Болот. Оттуда, откуда наползает этот проклятый туман.

Тут принц немного успокоился.

– Вам, конечно, кажется, что я ерунду говорю. Что здесь не окраины Северного Леса. Но тогда скажите, что вы об этом думаете, дедушка Лоскенн? А не то я с ума сойду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.